

«К ИСТОРИИ НАЗНАЧЕНИЯ НА ДОЛЖНОСТЬ СОВЕТНИКА:

С. А. КОЗИН НА ПУТИ В МОНГОЛИЮ»

М.В. Мандрик, к.и.н., ст.н.с.

Санкт-Петербургского филиала Архива РАН,

И.М. Захарова, к.и.н., н.с. Государственный Эрмитаж

Түлхүүр үг: Монголын тусгаар тогтнол, санхүүгийн зөвлөх,, С.А.. Козин, Хаант Орос, шинэтгэлийн бодлого.

В статье затрагиваются вопросы, которые уже были частично освещены в работе Е. М. Даревской «Русский советник правительства Монголии С.А. Козин»¹. Однако использование новых архивных документов, позволяет более детально исследовать этот сюжет и несколько по-иному расставить акценты. В данной статье основное внимание обращено на историю создания должности Советника и выбор его кандидатуры, что во многом и определило дальнейшую судьбу института Советника при Монгольском правительстве. В статье также отражены события, связанные с назначением и приездом С. А. Козина в Ургу.

После монгольской революции 1911 г. Россия была вынуждена решать сразу несколько задач: помочь монголам, которые рассчитывали на поддержку, сохранить стабильные отношения с Китаем и поддержать собственные интересы в этом регионе. Для решения первой и третьей задач как нельзя лучше подходила идея создания института Советника при Монгольском правительстве. Идея возникновения института Советника витала в дипломатических кулуарах еще в 1912 г. Значительная финансовая поддержка Монголии со стороны России и постоянные настойчивые просьбы Ургинского правительства об увеличении субсидий ставили перед Россией вопрос о гарантиях возврата долга и контроле за рациональным расходованием выдаваемых ссуд. Последнее было наиболее актуальным, т.к. Монгольское правительство не допускало вмешательства в свои внутренние дела. Поэтому, когда монгольские министры, во главе с первым министром Сайн-ноином, обратились к Генеральному Консулу в Урге, с просьбой передать Императорскому правительству их ходатайство о новой ссуде², временно исполняющий обязанности Министра иностранных дел А. А. Нератов 10 сентября 1912 г. обратился к министру

¹ Даревская Е. М. Русский советник правительства Монголии С.А. Козин // Восток и Россия: взгляд из Сибири: материалы и тез. докл. к науч.-практ. конф. Иркутск, 16–18 мая 1996 г. Иркутск, 1996.

² РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 463. Л. 415-416.. Сентября 10 дня 1912 г. № 937.

финансов с предложением – позаботиться об обеспечении «исправного возмещения монголами» ссуды и об «упорядочении денежного Хозяйства Халхи, которое предупредило бы периодическое повторение ее просьб о денежной поддержке»³. Для урегулирования трат и контроля за ними предлагалось назначить Монгольскому Правительству финансового Советника. На этот пост даже выдвигалась кандидатура бывшего комиссара китайской Таможни в Харбине Коновалова⁴.

Вопрос о контроле был поставлен перед монгольской стороной при обсуждении выплаты ссуды в размере 2.000.000 рублей сроком на 40 лет. Деньги предполагалось потратить на устройство армии и администрации, покупку оружия⁵. Однако Монгольские власти, по словам И. Я. Коростовца, «энергично отклоняют контроль и готовы удовольствоваться меньшей суммой, если только не будет его. Ввиду сего не будет ли признано обеспечить себя обязательством Монгольского Правительства, чтобы в случае неуплаты очередного погашения мы имели право обратить в свою пользу взносы "монголора" или взять в свои руки таможню, наблюдение же за правильностью поступлений возложить на консульство, организовав таким образом при нем или при проектируемом резиденте замаскированный контроль»⁶. Идея участия консульства или резидента в тайном контроле не исчезла бесследно, и попытки его введения будут предприняты при создании института Советника при Монгольском правительстве.

Решение вопроса о выдаче ссуды затягивалось. Монгольское правительство было вынуждено пойти на уступки и само официально заговорило о создании должности советника. 8 мая 1913 г. секретной телеграммой из Урги русский уполномоченный И. Я. Коростовец сообщал в Министерство иностранных дел (далее – МИД): «Сознавая невозможность справиться собственными силами с упорядочением финансов, Монгольское правительство обратилось ко мне с официальным ходатайством о назначении в Ургу Русского финансового советника, по выбору нашего Правительства. Частным образом Монголы просят о назначении чиновника Министерства Финансов Котвича, лично им известного и пользующегося их полным доверием»⁷. Однако, тремя днями ранее, в Секретной телеграмме № 928 от 5 мая тот же И. Я. Коростовец информировал: «Сообщённые монголами дополнительные сведения касательно государственных

³ Там же. Л. 416-416 об.

⁴ Там же. Л. 416 об.

⁵ Там же. Л. 413 (Секретная Телеграмма действительного статского советника Коростовца. Урга. 8/21 окт. 1912 г. № 175).

⁶ Там же.

⁷ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3090. Л. 3.

III МОНГОЛЫН ОЙРХИ ТҮҮХИЙН АСУУДЛУУД

расходов и доходов представляются неудовлетворительными и дают лишь приблизительное понятие о монгольском бюджете и о назначении ссуды. Едва ли, однако, Ургинское правительство при настоящих условиях даст более обстоятельные сведения по интересующему нас вопросу. Упорное уклонение монголов от исполнения нашей просьбы объясняю оппозицией Да-Ламы и Китайской партии, которые систематически противодействуют всем нашим намерениям и стремящейся вызвать взаимное обострение. Я заявил монголам, что считаю сообщенные данные малоудовлетворительными и предвижу, что разрешение просьбы по их же вине затянется. Вместе с тем дал понять, что установление благожелательного отношения к их денежным нуждам и упорядочение монгольского финансового хозяйства требует приглашения Русского финансового советника»⁸ Этот текст свидетельствует о том, что решение пригласить Советника исходило от России, которая не оставляла Монгольскому правительству выбора. Последнее, понимая серьезность своего положения, даже изъявило готовность назначить Советнику основное содержание из своих средств⁹.

Вопрос российской властью решался без промедления — 15 мая министр финансов выразил согласие с назначением советника, а на следующий день такое же решение принял и министр иностранных дел¹⁰. Почему при этом вопрос создания Монгольского национального банка был отдан на откуп частной концессии и оставлен без внимания министерством финансов на долгие месяцы, остается еще выяснить. Организация Банка и создание института Советника должны были происходить одновременно, являясь последовательными звеньями одной цепи — глобального реформирования финансовой системы Монголии или, что более близко к истине — строительства новой системы, основанной на европейском опыте. К сожалению, эти две взаимосвязанные задачи были разделены российскими чиновниками и решались отдельно друг от друга.

Однако и выбор кандидатуры на новый пост оказался более сложным, чем предполагалось изначально. В. Л. Котвич сослался на семейные обстоятельства и отказался от предложения. Обсуждение новой кандидатуры проходило трудно. 18 мая А. Я. Миллер сообщал из Урги, что Монгольское правительство изъявляет желание иметь в качестве финансового советника «лицо, знающее язык и местные условия и способное на проведение широких финансовых реформ, связанных с вопросами управления. В случае отказа Котвича, позволю себе рекомендовать на эту

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 25 (донесение из МИД от 28 июня 1913 г. № 550 — Александру Сергеевичу Таневу, главному управляющему собственной Е.И.В. канцелярией).

¹⁰ Там же. Л. 4, 6.

должность Коммерческого агента Китайской Восточной железной дороги Ладыгина, вполне удовлетворяющего, по мнению Д. С. Коростовца, указанным условиям. Финансовый советник являлся бы в данном случае, как это было ранее в Пекине, политическим директором Банка, технической частью которого заведовало бы подчиненное ему другое лицо»¹¹.

После этого обсуждение кандидатуры началось и на более высоком уровне. Министр финансов В. Н. Коковцов сообщал министру иностранных дел С. Д. Сазонову «доверительно», что считает своим долгом коснуться вопроса о выборе лица для занятия этой должности: «Остановливаясь в виду сего, за отказом ст. советника Котвича, на кандидатуре Ладыгина, не могу не отметить, что эта кандидатура имела в виду и мною лично, т. к., несомненно Ладыгин обладает солидным знакомством с местными условиями. Однако это обстоятельство делает его полезным и необходимым агентом и для Управления КВЖД, а, с другой стороны, возникает опасение, что сравнительно узкая сфера, в которой протекала предшествующая служебная деятельность Ладыгина, не дала ему достаточного опыта для осуществления таких широких задач, которые предполагается возложить на монгольского финансового советника. При таких условиях я считаю долгом рекомендовать вниманию... бывшего заведующего калмыцким народом Сергея Андреевича Козина»¹². Возникает вопрос, почему на должность Финансового советника был рекомендован человек, не имеющий специального образования? Далее в письме приводились доводы, которые должны были убедить С. Д. Сазонова в пригодности С. А. Козина к этой ответственной миссии: «Он окончил курс Факультета Восточных языков по китайско-монгольско-маньчжурскому разряду, и, поступив 10 лет назад на государственную службу по Министерству Внутренних дел, почти все время непосредственно соприкасался с делами управления калмыками и отчасти другими инородцами. Именно будучи назначен в калмыцкие степи Астраханской губернии, он состоял последовательно попечителем яндыко-могажного и малодербетовского улусов и затем поставлен во главе управления всеми калмыками Астраханской губернии в качестве заведующего калмыцким народом. Так как, при организации управления этим народом на началах опеки, в руках попечителей сосредоточены все отрасли управления – именно, помимо административно-полицейских функций, они ведают податным делом, оброчными статьями, судебной-следственной частью, школьным делом, землеустроительными работами и т. п., – то Козин имел возможность подробно изучить весь

¹¹ Там же. Л. 5.

¹² Там же. Л. 9 об.

строй жизни народа, родственного монголам и находящегося в одинаковых с ними бытовых условиях»¹³.

Из донесения видно, что С. А. Козин был действительно профессиональным государственным служащим. Он одновременно с несением общих административных обязанностей принимал участие в разработке, а затем и в проведении в жизнь ряда преобразований среди калмыков, в частности, замена родовых управлений волостными (аймачными), разграничение земель калмыков и русских поселенцев, проекты административной реформы, проведение экономическо-статистических обследований калмыцких степей, но был ли он готов к решению проблем на международном уровне?¹⁴

В министерских кругах роль финансового советника рассматривалась довольно широко: он не должен был ограничиваться узкой финансовой сферой в виду тесной связи ее с различными отраслями государственного хозяйства (т. е. земледелием, лесоводством, горным делом, скотоводством и прочее)¹⁵. Так как необходимо было создавать новые источники доходов, то советника должны были ознакомить с существующими государственными доходами и расходами, податной и налоговой системой, и вообще со всеми подробностями управления и административных порядков. Это было объяснено Монгольскому правительству. Российское правительство не меньше монгольского было заинтересовано в образовании должности финансового советника, так как при его участии могло добиться контроля над финансами Монголии, которая скрывала и утаивала государственные ресурсы под предлогом невмешательства русских во внутренние дела страны, но при этом просила значительных субсидий на поддержание своей экономики. Начинание могло принести значительные результаты для обеих сторон, но все-таки оставались опасения, что Монгольское правительство может от него отказаться. События сильно форсировали, опасаясь, что борьба монгольских политических партий не позволит утвердить и расширить далее влияние российской политики в стране¹⁶. Именно этой спешкой и можно объяснить выбор кандидатуры С. А. Козина, который все же по своему образованию и предыдущей службе не в полной мере подходил для роли

¹³ Там же.

¹⁴ Спустя 2 года после назначения С. А. Козина, консул А. Орлов, рассуждая о возможности продления его контракта на второй срок, заметил: «Человек он весьма ограниченный и не образованный, если не считать его диплома факультета Восточных языков. Я думаю, что такой умственный багаж недостаточен для реформатора» (Там же. Л. 312).

¹⁵ Там же. Л. 16.

¹⁶ Там же.

авторитетного проводника российского финансового влияния в Монголии. Дальнейшие события во многом подтверждают этот вывод. Помимо своих основных функций, Советник должен был оказывать возможное содействие Генеральному консулу в Урге, но, как свидетельствуют архивные документы, С. А. Козин, вступив в должность, решил проводить самостоятельную политику, порой не считаясь с позициями консула и интересами российской империи в Монголии.

Если утверждение кандидатуры С. А. Козина в министерских кругах прошло довольно быстро, то переговоры с Монгольским правительством затянулись. В секретной телеграмме № 120 Генерального консула в Урге А. Я. Миллера 16/29 июля 1913 г. сообщалось, что ввиду болезни Саин-Ноина решение вопроса отложили. На настояния консула скорее оформить назначение С. А. Козина, Саин-Ноин ответил просьбой отложить это дело до его поездки в Санкт-Петербург, куда он собирался отправиться в конце августа¹⁷. Такое положение дел не устраивало русское правительство, и товарищ Министра иностранных дел А. А. Нератов в телеграмме от 18 июля настоятельно советовал Генеральному консулу добиться согласия на подписание документов о назначении советника: «Благоволите пользоваться всяким случаем для настояний на ускорении назначения Козина»¹⁸.

О важности подписания документа говорит и тот факт, что МИД, ввиду затянувшегося утверждения, направил 30 августа А. С. Танееву записку, с просьбой повременить с докладом царю о затруднениях в ходе переговоров до дополнительного извещения¹⁹. Пока в источниках не найдено известий о дате доклада А. С. Танеева, но есть сведения о донесениях Царю более позднего периода. На одном из посланий А. Я. Миллера (конец 1913 г.) Николай II написал: «Как помочь монголам?»²⁰ Этот вопрос на полях позволил чиновнику высшего ранга²¹ в записке на имя Царя выразить предположение, что так как решение «финансовой организации Монголии служит предметом забот Императорского Правительства», то Царь не будет возражать против введения должности Советника для упорядочения денежных дел и создания для монголов

¹⁷ Там же. Л. 27.

¹⁸ Там же. Л. 28.

¹⁹ Там же. Л. 29.

²⁰ Там же. Л. 46.

²¹ По документу нет возможности точно определить автора или ведомство, из которого он происходит.

III МОНГОЛЫН ОЙРХИ ТҮҮХИЙН АСУУДЛУУД

источника правильного поступления доходов²². Сторонник русского финансового влияния в Монголии далее сообщал Царю общие сведения о кандидатуре Советника, возможно, впервые представляя его монаршему лицу: «он организовал хозяйство в Астраханской степи среди родственных монголам и живущих в сходных с ними бытовых условиях калмыков»²³. Между прочим было отмечено, что из-за «свойственной младенческим народом недоверчивости, монголы затянули приглашение на свою службу... Козина, ссылаясь на то, что необходимо, чтобы отправляющийся в Россию Саин-Ноин-хан предварительно лично ознакомился с будущим финансовым советником Монгольского правительства. Ныне эти переговоры ведутся нами, и я имею основание рассчитывать на их благополучное завершение»²⁴. Для того, чтобы миссия коллежского асессора Козина имела успех, предлагалось «выдать Монгольскому Правительству новую денежную ссуду, которая расходовалась бы под контролем названного чиновника исключительно на предприятия, направленные к созданию источников казённых доходов Монголии и финансовому устройству. Министр финансов уже выразил согласие обсудить вопрос об этой ссуде в Совете Министров. Необходимо лишь определить какими источниками доходов Монгольского Правительства она может быть гарантирована»²⁵. Автор донесения выражал надежду, что царь одобрит предложение Совета Министров об организации Монгольского банка. При этом отмечалось, что «технические подробности этого дела несколько задержали его осуществление, но открытие отделения банка в Урге должно последовать в ближайшем будущем»²⁶. Главное целью этого нововведения являлось освобождение монголов от китайской финансовой кабалы.

Саин-Ноин выехал в Санкт-Петербург только в октябре 1913 г. МИД, стремясь к скорейшему заключению контракта, выступил с предложением вызвать С. А. Козина прямо в Сибирь, где тот мог бы подписать документы, не дожидаясь приезда монгольской делегации в столицу²⁷. Но от этого все же решили отказаться, и будущего советника вызвали в Санкт-Петербург. До конца официального пребывания Саин-Ноина было неясно — будет подписан контракт или нет. Однако переговоры, не без дипломатического давления, прошли успешно и

²² Там же. Л. 46.

²³ Там же. Л. 46 об.

²⁴ Там же. Л. 46 об.—47.

²⁵ Там же. Л. 47.

²⁶ Там же. Л. 47 об.

²⁷ Там же. л. 31.

завершились подписанием 26 декабря 1913 г. контракта, одобренного с обеих сторон, на проведение финансовых и гражданских реформ в Монголии²⁸.

Примечательно, что до последнего момента вокруг назначения кандидатуры на должность финансового советника продолжались интриги. По донесениям А. Я. Миллера, состоявший на монгольской службе Ф.С. Москвитин (который активно ратовал за создание Русско-Монгольского банка и за развитие русско-монгольских торговых связей, за повышение российского экспорта в Монголию и т.п.) всячески интриговал против С. А. Козина, рассчитывая сделаться негласным финансовым советником под титулом поставщика Хутухты. Ф. С. Москвитин уверял Монгольское правительство, что достанет им деньги и даже оружие у Германии и Англии²⁹. Участвовал в интригах и Да-Лама. А. Я. Миллеру, ввиду крайне вредной, с точки зрения российских интересов, деятельности Москвитина, пришлось просить о запрете для последнего и его доверенных лиц въезда в Монголию. Еще 23 декабря в секретной телеграмме Дипломатический Агент в Монголии просил Министра иностранных дел: «Не сочтёте ли возможным настоятельно посоветовать Саин-Ноину задержать свой отъезд из Петербурга до получения указаний Хутухты по делу Козина»³⁰. На следующий день А. Я. Миллер телеграфировал: «Монгольское Министерство Иностранных Дел сообщило мне, что Хутухта поручил решить дело о приглашении Козина Совету Министров, для участия в коем вызывается Саин-Ноин. Я ответил, что не могу принять удовлетворительным этот ответ. Повторив мои вчерашние предостережения, я возложил ответственность за последствия на Монгольское правительство. Задержание в Петербурге Саин-Ноина впредь до окончания этого дела произвело бы на Монголов должное впечатление»³¹. Вслед за этим посланием А. Я. Миллер срочно отправляет другое: «...Москвитин ... уверяет монголов... что он ... достанет им денег. Задержание Саин-Ноина до подписания им контракта отрезвило бы монголов»³². И лишь когда о подписании контракта стало известно в Монголии, А. Я. Миллер мог с удовлетворением сообщить в МИД, что «подписание Саином контракта с Козиным произвело на монголов сильное и выгодное для нас впечатление»³³.

²⁸ Там же. Л. 50–51.

²⁹ Там же. Л. 58 (Секретная телеграмма от 29.12.1913 г.)

³⁰ Там же. Л. 50 (№ 375).

³¹ Там же. Л. 51 (№ 377).

³² Там же. Л. 53 (№ 378 от 24.12.1913 г.).

³³ Там же Л. 58 (29.12.1913 г. № 380).

III МОНГОЛЫН ОЙРХИ ТҮҮХИЙН АСУУДЛУУД

С. А. Козин был принят на Монгольскую службу Советником по выработке законов и правил, направленных на улучшение финансового и гражданского управления страны, а также для разработки законопроектов, составление которых будет ему поручено Монгольским Правительством. После подписания контракта, 27 декабря, МИД обратился с ходатайством к Министру финансов В. Н. Коковцову о зачислении С. А. Козина по ведомости финансового аппарата в чиновники особого поручения³⁴. Уже 15 января 1914 г. из Министерства финансов на имя С. Д. Сазонова поступил рескрипт о данном назначении³⁵. МИД для решения первичных организационных вопросов открыл на имя С. А. Козина кредит в 153 тысячи рублей³⁶. На приезд в Монголию Советник получил в Астрахани 10 тысяч рублей³⁷. От него ждали скорейшего вступления в должность, но на требования о незамедлительном выезде к месту службы С. А. Козин отвечал, что необходимо ликвидировать дела в Астрахани и подобрать сотрудников в Сибири³⁸. Любопытный факт из истории бюрократии в России. 9 февраля 1914 г. С. А. Козин получил из МИД, от Г. А. Козакова, телеграмму о том, что Ц. Ж. Жамсаранов едет в Ургу 15 февраля, и с вопросом — не мог бы Финансовый советник выехать в это же время³⁹. На это С. А. Козин сообщил, что телеграмму получил только 17 февраля, так как был в деловой поездке. Кроме того, так как он будет зачислен в Министерство финансов не ранее 25 февраля, то и от должности своей не может отказаться, и планирует выехать в Ургу только в начале марта⁴⁰. Не совсем ясно, почему по финансовому ведомству его официально зачислили только 24 марта⁴¹, с оговоркой, удовлетворяющей просьбу С. А. Козина, по возвращении в Россию зачислить его по ведомству Министерства внутренних дел, правда, «при наличии свободных мест»⁴².

Приезда С. А. Козина в Монголии ожидали с нетерпением. Однако даже подписание контракта не избавило Дипломатического агента в Монголии от беспокойства за судьбу данного

³⁴ Там же. Л. 56–57.

³⁵ Там же. Л. 62.

³⁶ Там же. Л. 64.

³⁷ Там же. Л. 65.

³⁸ Там же. Л. 66.

³⁹ Там же. Л. 68.

⁴⁰ Там же. Л. 69.

⁴¹ Там же. Л. 70.

⁴² Там же. Л. 67 (06.02.1914 г. — МВД — С. Д. Сазонову) — Ситуация тем более странная, если учесть, что в самих министерствах уже летом 1913 г. шло согласование о назначении С. А. Козина сверхштатным V класса чиновником МИД без присвоения содержания (Там же. Л. 30).

предприятия. Уже 21 января 1914 г. он сообщал в секретной телеграмме № 18 о необходимости скорейшего приезда С. А. Козина в Ургу, «дабы он мог открыть действия Монгольского казначейства с Монгольского нового года, и переговорил со мною по целому ряду вопросов до начала проектных переговоров»⁴³. Подобные телеграммы посылались до самого приезда Козина в Ургу весной 1914 г. В секретной телеграмме Дипломатического Агента от 11 марта за № 80 передавалась «убедительная» просьба Саин-Ноина, ради успеха дела, отложить С. А. Козиним приглашение помощников до приезда его в Ургу и ознакомления с местными условиями. С собой советник мог привезти бухгалтера, контракт с которым будет подписан Монгольским правительством в Урге⁴⁴. 13 марта Г. А. Козаков оповещал Дипломатического Агента, что С. А. Козину предписано официально выехать без сотрудников, но П. А. Витте ему нужен для «работы обследования Монголии и создания Монгольским Правительством источников доходов»⁴⁵. Отсутствие положительных ответов на просьбы, привело к новым секретным сообщениям (№ 97), так, 19 марта Дипломатический Агент сообщал, что Саин-Ноин очень просит быстрее приехать, боясь «противодействия новому делу»⁴⁶.

Эта телеграмма опровергает наше первоначальное предположение, что С. А. Козин был в Урге уже в середине марта, основывающееся на письме самого Финансового советника. Так, 20 марта он сообщал Г. А. Казакову, что устраивает в Урге библиотеку при организуемом им Центральном Управлении Государственных имуществ в Монголии, и хотел бы снабдить ее изданиями Главного Управления Земледелия и землеустройства, некоторые из которых необходимы в деле, предпринимаемом им статистико-экономическом и естественно-историческом обследовании Монголии⁴⁷. Судя по телеграмме А. Я. Миллера, Советник устраивал библиотеку заочно, т. к. сам прибыл в Монголию, по данным Е. М. Даревской – в начале мая. Пока в изученных архивных документах точной даты прибытия не обнаружено.

Несмотря на поздний приезд к месту службы и исполнение совершенно новых для него обязанностей, С. А. Козин почти сразу взял управление делами в свои руки. В секретной телеграмме Дипломатического Агента от 16 июля 1914 г. сообщалось: «Составленная Советником Монгольского Правительства Козиним первая роспись государственных расходов и

⁴³ Там же. Л. 63.

⁴⁴ Там же. Л. 75.

⁴⁵ Там же. Л. 76.

⁴⁶ Там же. Л. 81.

⁴⁷ Там же. Л. 82.

доходов в Монголии на 1914 г. сегодня одобрена Монгольским Правительством. Экземпляр этой росписи представляется мною почтою Тайному Советнику Нератову при донесении от 3 июля № 1715»⁴⁸. С. А. Козину оказалось достаточным двух месяцев на обустройство и вхождение в дела.

История создания института советника при Монгольском правительстве – вопрос многогранный и еще далеко неизученный. Введение этой должности должно было стать лишь частью значительных финансовых реформ, на вершине которых предполагалось водрузить Монгольский Национальный банк. 16 мая 1913 г. в секретной телеграмме Министра Иностранных Дел на имя И. Я. Коростовца (№ 1426) сообщалось: «Благоволите оповестить Монгольское Правительство, что мы согласны на назначение финансового советника. Выбор кандидата и выработка условий деятельности последует дополнительно в связи с разрешением о банке. Не сообщите ли, если возможно, по телеграфу соображения о главнейших желательных пунктах контракта»⁴⁹. В исследуемых нами на настоящий момент документах эта телеграмма одной из первых свидетельствует о тесной взаимосвязи между двумя нововведениями. Реформирование финансовой системы, являющееся одной из приоритетных задач Советника, не могло быть осуществлено без создания банка, которое российская сторона отложила до 1915 г. При сложившихся обстоятельствах нельзя было говорить о масштабных финансовых реформах, и советник С. А. Козин, кроме того, что сам не обладал качествами реформатора, был еще поставлен Российским правительством в крайне трудное положение в процессе исполнения своих обязанностей. Его работе не способствовала и монгольская сторона. История с назначением на должность С. А. Козина – многомесячное затягивание этого процесса Саин-Ноином – наглядно демонстрирует нежелание Монгольского правительства иметь при себе контролирующий орган. И то, что монгольская сторона была вынуждена согласиться на подобный компромисс, свидетельствует как о сложной финансовой ситуации молодого государства, так и об успехах русской дипломатии в Монголии. Русскому правительству было важно завуалировать свое участие в монгольских делах, поэтому, «политика понуждения» оказалась весьма успешной, и монголов заставили "пожелать" финансового советника с довольно обширными правами в области и административного реформирования страны.

⁴⁸ Там же. Л. 91 (№ 191).

⁴⁹ Там же. Л. 6

Summary:

"On the history of the appointment of the Adviser: S.Kozin on the way to Mongolia "

The article addresses the issues of the history of creation of the position of Russian adviser to the Mongolian government, the difficult choice of candidacy, the vicissitudes associated with the appointment and arrival of S. Kozin in Urga. The work is based on documents of the Foreign Policy Archive of the Russian Empire, and complements the previously available information about this episode of history of Russian-Mongolian diplomacy.